



Научная статья
УДК 904(=393.05.1)
EDN: FMEEEG
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-66-78>

Улахан Арыы: погребальный памятник средневекового населения бассейна р. Вилюй (Западная Якутия)

Д.М. Петров

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается погребальный памятник эпохи средневековья, открытый в 2019 г. Вилюйским отрядом археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в ходе разведочных работ в Кюкеевском наслеге Сунтарского района Республики Саха (Якутия). Захоронение обнаружено в черте древней стоянки, приуроченной к озеру Кюкей. Радиоуглеродный анализ кости человека показал, что памятник датируется XV–XVII вв. Обряд захоронения не характерен для погребальной традиции якутов и тунгусов. Костяк был помещен в небольшую яму с нарушением анатомического порядка и укрыт настилом из лиственничных жердин. Нижние конечности и значительная часть костей рук отсутствовали. По анатомо-морфологическим и остеометрическим признакам, а также по степени стирания жевательных поверхностей зубов установлено, что обнаруженные останки принадлежат мужчине монголоидной расы, предположительный костный возраст которого составляет $40,5 \pm 4,5$ лет (36–45 лет). Медико-криминалистическое обследование останков выявило на левой лопатке и обеих плечевых костях повреждения, вероятно, нанесенные наконечниками стрел. На ключице было зафиксировано выраженное вдавление в месте прикрепления реберно-ключичной связки, что указывает на постоянное перенапряжение соединительной ткани в этом отделе. Данное обстоятельство говорит о том, что человек при жизни мог активно практиковать лучную стрельбу и греблю. Предполагается, что погребенный был казнен или принесен в жертву. Также выдвигается версия, что памятник Улахан Арыы может быть связан с древним населением бассейна р. Вилюй.

Ключевые слова: Сибирь, Западная Якутия, Вилюй, народы Сибири, средневековье, погребальный памятник, атипичный обряд, травматизм, этническая история, туматы, вилюйские якуты

Для цитирования: Петров Д.М. Улахан Арыы: погребальный памятник средневекового населения бассейна р. Вилюй (Западная Якутия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 66–78. EDN: FMEEEG. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-66-78>.

Archaeology

Original article

Ulakhan Aryy: a burial site of the medieval population of the Vilyuy River basin (West Yakutia)

Denis M. Petrov

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS, Yakutsk, Russia

Abstract. The article discusses the medieval burial site discovered in 2019 by the Vilyuy archeological expedition team from the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, during exploration in Kyukyaisky Nasleg of the Suntarsky district, Republic of Sakha (Yakutia). The burial was found within the boundaries of an ancient site near Lake Kyukey. Radiocarbon dating of human bones revealed that the site dates back to the 15th-17th centuries. The burial rite is not typical for the Yakuts and Tungus. The skeleton, not arranged in anatomical order, was placed in a small pit and covered with a flooring of larch poles. The lower limbs and a significant part of the arm bones were absent. According to the anatomical-morphological and osteometric signs, as well as the degree of abrasion on chewing surfaces of the upper jaw teeth, the remains belong to a man of the Mongoloid race, whose estimated bone age is 40.5 ± 4.5 years (36-45 years). A forensic medical examination of the remains

revealed four injuries on the left shoulder blade and both humerus, probably caused by arrows. The depression at the place of attachment of the costoclavicular ligament were revealed, which may indicate a constant overstrain of the connective tissue in this section. This circumstance suggests that the person could be an archer or a rower during his lifetime. It is assumed that the buried person was executed or sacrificed. There is also a suggestion put forward that the Ulakhan Aryy site may be associated with the ancient population of the Vilyuy River basin, known from legends of the Vilyuy Yakuts.

Keywords: Siberia, West Yakutia, Vilyuy, peoples of Siberia, Middle Ages, burial site, atypical rite, traumatism, ethnic history, Tumats, Vilyuy Yakuts

For citation: Petrov D.M. (2023) Ulakhan Aryy: a burial site of the medieval population of the Vilyuy River basin (West Yakutia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 66-78. (In Russ.). EDN: FMEEEG. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-66-78>.

Введение. На территории бассейна р. Вилюй в Западной Якутии за все время археологического изучения обнаружено крайне малое количество памятников историко-культурного наследия, датируемых эпохой средневековья. В связи с этим по-прежнему недостаточно изученной остается этническая история региона. Открытие любого памятника, относящегося к этому периоду, является важным источником для этнокультурных реконструкций.

В 2019 г. Вилюйским отрядом ИГИИПМНС СО РАН разведочные работы производились в районе термокарстового озера Кюкей (як. Күүкэй). Выбор

района разведки был обусловлен предположением, что данный водный объект, выдающийся своими размерами (рис. 1), во все исторические времена являлся одним из главных центров притяжения людей на Среднем Вилюе. Результатом разведки стало открытие стоянки эпохи неолита-палеометаллов и средневекового грунтового захоронения.

Описание памятника. Основные работы проводились на полуострове в северной части озера Кюкей. Местность называется Улахан Арыы, что в переводе с якутского означает «большой остров».

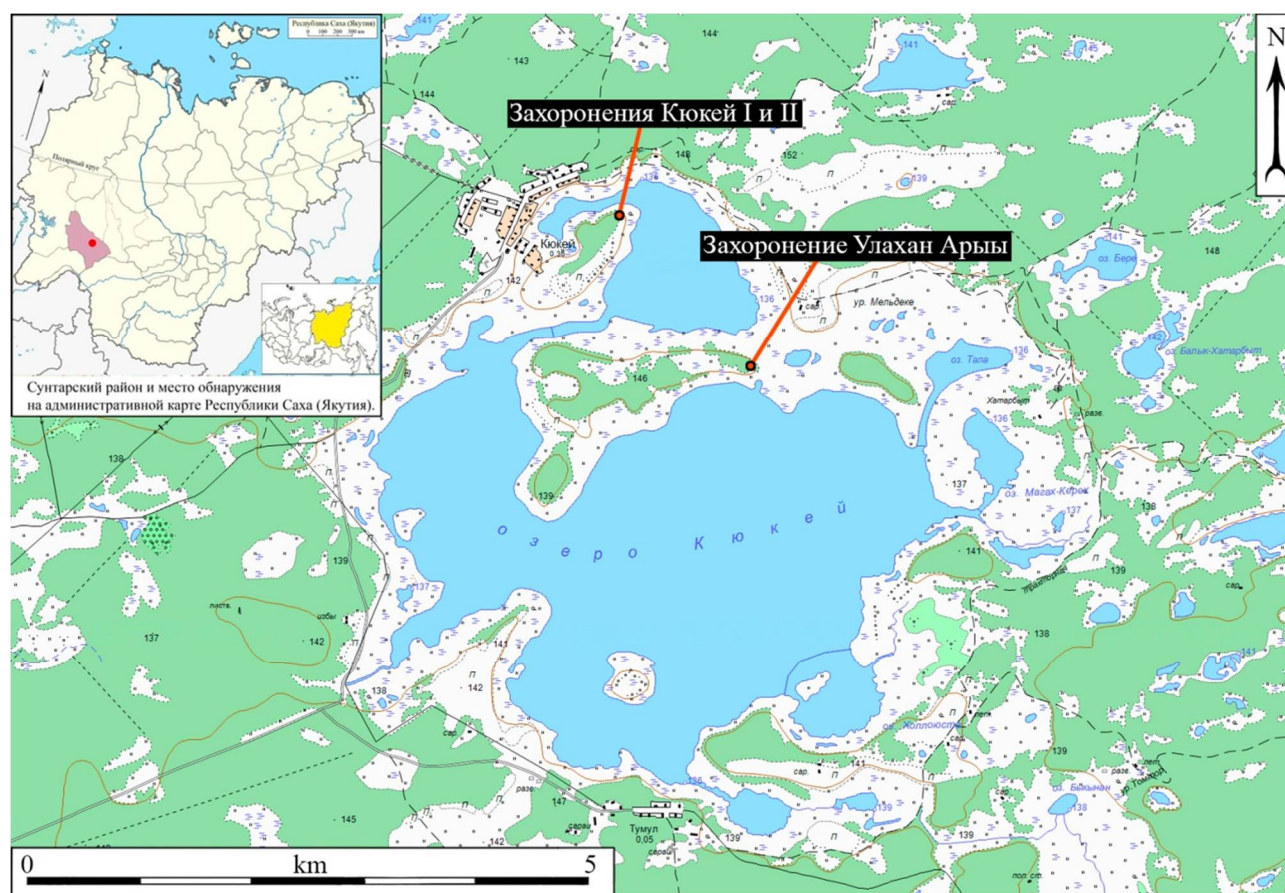


Рис. 1. Карта расположения погребальных памятников эпохи средневековья в районе озера Кюкей
Fig. 1. Map of the medieval burial sites location in the area of Lake Kukey

Полуостров соединяется на востоке с берегом озера широким заболоченным перешейком. Берега пологие и заболоченные, плавно переходят в невысокую террасу (3–4 м), покрыты луговой растительностью. Значительную часть местности занимает хвойный лесной массив. Протяженность возвышенной части полуострова с запада на восток составляет порядка 2 км, с севера на юг в самом широком месте – 1,3 км, в самом узком – 150 м. Стоянка и захоронение открыты в восточной ее оконечности, в месте, где терраса образует широкий мыс (рис. 2; рис. 3). В 2,4 км к северо-западу от места обнаружения стоянки расположено с. Кюкей – административный центр наслега.

В черте стоянки имеются окопы и огневые позиции времен Гражданской войны, а также современная противопожарная траншея, при осмотре которой были найдены отщепы и фрагменты тонкостенной керамики. Для определения границ стоянки было решено заложить 3 шурфа. Во всех из них был установлен культурный слой и зафиксирован керамический материал, соответствующий культурам эпохи неолита и палеометаллов.

В шурфе № 2 было найдено захоронение человека, хронологически не связанное со стоянкой. По-

сле снятия дернового слоя проявилось могильное пятно в форме неправильного овала, вытянутое по оси север-юг, с фрагментами дерева и скоплением корней по центру. Длина пятна равнялась 108 см, ширина – 92 см. После углубления на 20 см проступил настил из сильно истлевших лиственничных жердин (рис. 4; рис. 5.4). Пять жердин были уложены по оси север-юг, одна лежала поперек остальных с северной стороны. Жердина с западного края настила была длиннее других и равнялась примерно 95 см. Длина остальных продольных жердин составляла 70–85 см, поперечной – 31 см. Диаметр жердин примерно 10 см. Вторая с южной стороны жердина была разрушена в середине, образовавшийся провал обнажил теменную часть черепа. Жердины имели следы воздействия огня.

После удаления настила был обнаружен неполный скелет человека с нарушением анатомического порядка (рис. 5.1). Сверху лежали череп, позвоночный столб, ребра, тазовые кости (рис. 5.2). Под ними были найдены ключица, ребра, кости рук, нижняя челюсть (рис. 5.3). Местами имелись фрагменты полуистлевшей ровдуги. Размеры могильной ямы в днище составили 86 см в длину и 41 см в ширину.



Рис. 2. Захоронение Улахан Арыы. Вид на местность (съемка с востока)
Fig. 2. The Ulakhan Aryy grave. View of the area (photography from the east side)

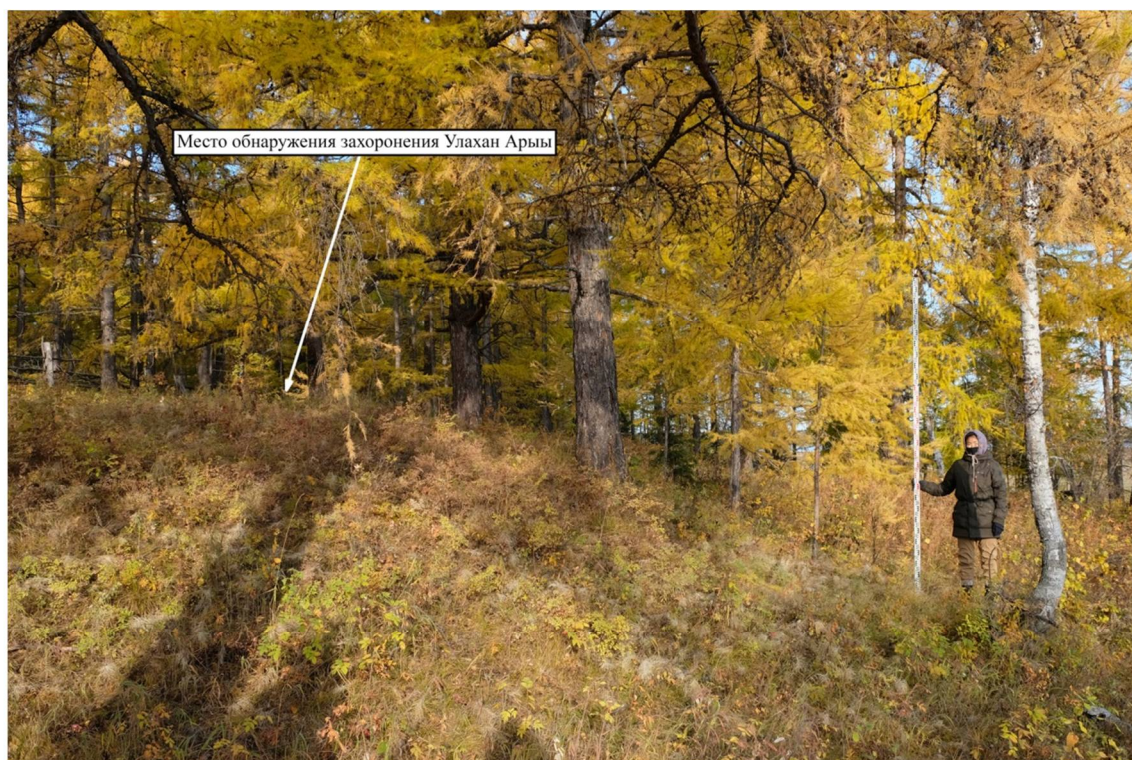


Рис. 3. Захоронение Улахан Арыы. Место обнаружения (съемка с юго-востока)
Fig. 3. The Ulakhan Aryy grave. Site of discovery (photography from the southeast side)



Рис. 4. Захоронение Улахан Арыы. Настил из жердин
Fig. 4. The Ulakhan Aryy grave. Pole flooring

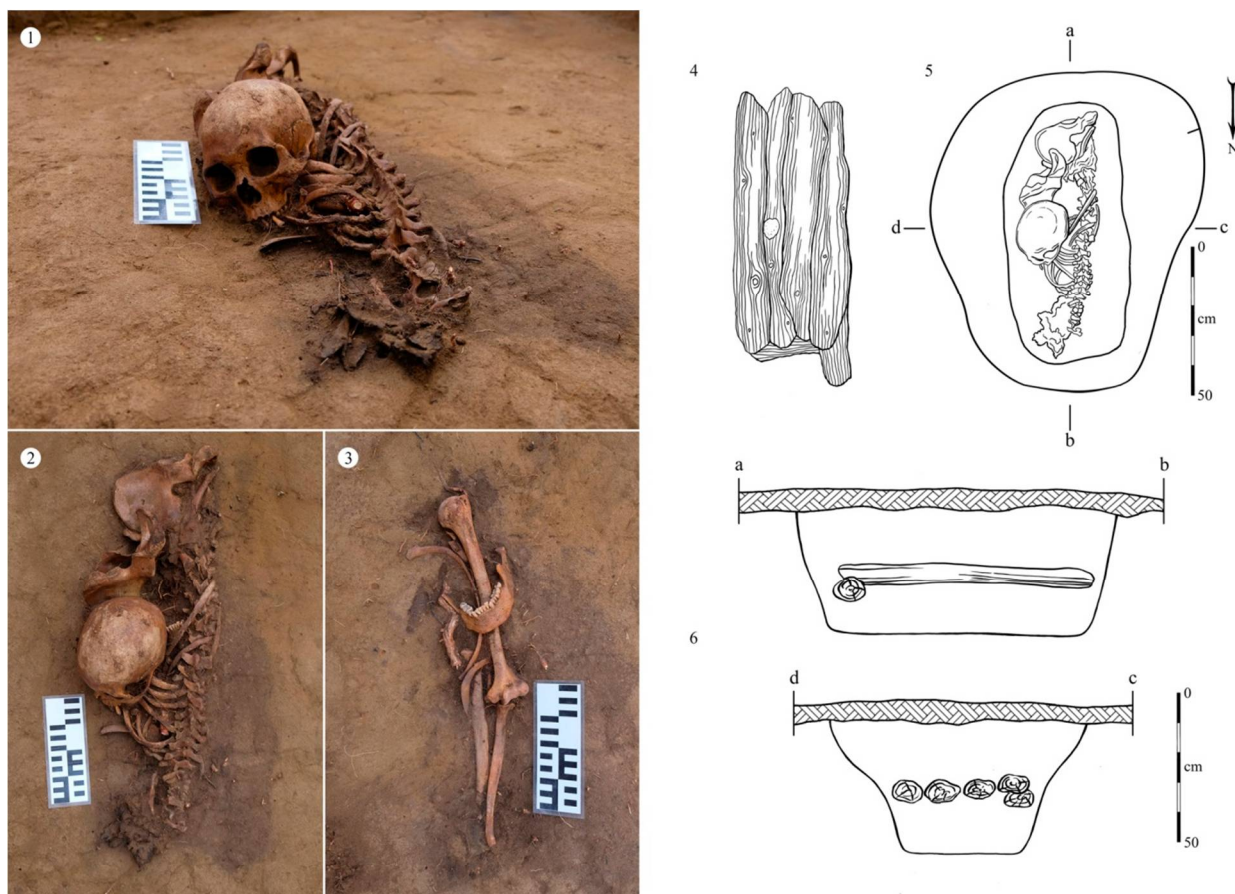


Рис. 5. Захоронение Улахан Арыы: 1 – общий вид на захоронение (съемка с северо-востока); 2 – костяк (вид сверху); 3 – группа костей на дне могильной ямы (вид сверху); 4 – настил из жердин; 5 – план захоронения; 6 – профили захоронения по оси a-b и c-d

Fig. 5. The Ulakhan Aryu grave: 1 – general view of the grave (photography from the northeast side); 2 – skeleton (top view); 3 – a group of bones at the bottom of the burial pit (top view); 4 – pole flooring; 5 – scheme of the grave; 6 – profiles of the grave along the a-b and c-d axes

Результаты исследования останков. Останки человека из захоронения Улахан Арыы были исследованы врачом судебно-медицинской экспертизы Ю.Л. Сафроневой.

Анатомо-морфологические и остеометрические признаки, а также степень стирания жевательных поверхностей зубов верхней челюсти свидетельствуют о том, что череп мог принадлежать скелету лица мужского пола, монголоидной расы, предположительный костный возраст которого составляет $40,5 \pm 4,5$ лет (36–45 лет) (рис. 6.1).

На нижне-задней поверхности ключицы в 6 мм от грудинного конца определяется продольно ориентированный прерывистый участок, расположенный на участке размерами 25 x 7 мм, представленный неровными выемками компактного вещества, глубиной от 1,5 мм до 3,5 мм, с неровными утолщенными краями с шероховатой поверхно-

стью (выраженное вдавление реберно-ключичной связки) (рис. 6.2,3).

На ряде костей фиксируются повреждения, предположительно нанесенные холодным оружием:

Левая лопатка (рис. 6.4). В 43 мм сверху от нижнего угла и в 18 мм влево от медиального края определяется неправильно овальный участок истончения кости с образованием неправильно многоугольных дефектов «минус-ткань», размерами 6 x 4,5 мм и 14,5 x 11 мм, с мелковолнистыми острыми краями. Тотчас вправо от латерального края, в 98 мм сверху от нижнего угла, определяется **повреждение № 1** (рис. 6.5,6), центральная часть которого представлена неправильно овальным дефектом «минус-ткань», расположенным в 61 мм сверху от нижнего угла и в 9 мм вправо от латерального края, длинником ориентированный вер-



Рис. 6. Останки из захоронения Улахан Арыы: 1 – Череп с нижней челюстью: а – вид спереди, б – вид слева; 2 – левая ключица: а – вид сверху, б – вид снизу; 3 – участок вдавления на нижне-задней поверхности левой ключицы (микрофотография); 4 – левая лопатка: а – наружная поверхность, б – внутренняя поверхность; 5 – повреждение № 1 на лопатке; 6 – повреждение № 1 (микрофотография)

Fig. 6. Remains from the Ulakhan Aryy grave: 1 – skull with lower jaw: а – front view, б – left side view; 2 – left clavicle: а – top view, б – bottom view; 3 – area of indentation on the lower-posterior surface of the left clavicle (micrograph); 4 – left shoulder blade: а – outer surface, б – inner surface; 5 – damage No. 1 on the shoulder blade; 6 – damage No. 1 (micrograph)

тикально, длиной 5,5 мм и шириной 3,5 мм. На наружной компактной пластинке края повреждения острые, мелкозубчатые, с поверхностным сколом компактного вещества в области правого края, левый край нависающий. На цифрах 1, 6, 7, 11 условного циферблата часов тотчас от данного дефекта отходят линейные и извилистые поверхностные трещины, длиной 1,5 мм, 18,5 мм, 4 мм и 32,5 мм соответственно, с относительно ровными скошенными краями. По латеральному краю визуализируется извилисто-линейная трещина, расположенная на уровне повреждения № 1, длиной 47 мм, которая, соединяясь с верхним концом трещины, ориентированной на цифре 11 условного циферблата часов, образует продолговатое овальный отщеп.

Фрагмент правой плечевой кости (рис. 7.1). На границе нижней и средней трети диафиза, в 97 мм кверху от края нижнего излома определяется **повреждение № 2** (рис. 7.2,3) в виде веретенообразного дефекта «минус-ткань», длинником, ориентированным, на цифрах 6 и 11 условного циферблата часов, длиной 12,5 мм и шириной 4 мм. Края дефекта относительно ровные, со сколом компактного вещества по правому краю на ширину до 3,5 мм. Края дефекта воронкообразно сужаются в направлении снаружи вовнутрь. Левая стенка повреждения несколько пологая, правая нависающая. Тотчас кверху и книзу от данного дефекта отходят поверхностные линейные трещины, длиной 41 мм и 26 мм соответственно, с ровными отвесными краями.

Левая плечевая кость (рис. 7.4). В области верхней трети диафиза на задней поверхности плечевой кости, в 57 мм книзу от верхнего края головки имеется **повреждение № 3** (рис. 7.5,7), представленное веретенообразным дефектом «минус-ткань», длинником, ориентированным практически вертикально, длиной 10,5 мм и шириной 3,5 мм. Края дефекта относительно ровные, со сколом компактного вещества по правому, левому и верхнему краю на ширину от 1 мм до 3 мм, за счет которого края дефекта воронкообразно сужаются в направлении снаружи вовнутрь. Правая стенка повреждения несколько пологая, левая нависающая. Тотчас кверху и книзу от данного дефекта отходят поверхностные извилисто-линейные трещины, длиной 19 мм и 45 мм, местами с ров-

ными, местами с волнистыми, скошенными, гладкими краями. При этом нижняя трещина ориентирована на цифру 7 условного циферблата часов.

В области верхней трети диафиза по латеральной поверхности плечевой кости, в 66 мм книзу от верхнего края головки, определяется **повреждение № 4** (рис. 7.6,8,9) в виде неправильно многоугольного дефекта «минус-ткань», размерами 25 x 7,5 мм, длинником, ориентированным вертикально. Края передней половины повреждения неровные, зубчатые, задней половины – относительно ровные, отвесные. По периферии переднего и нижнего края повреждения № 4 определяется продолговатый участок полосовидного скола компактного вещества с неровной, бугристой поверхностью, длинником, ориентированным вертикально, общими размерами 48 x 10,5 мм. Тотчас от краев дефекта на цифрах 1 и 5 условного циферблата часов кверху и книзу отходят извилисто-линейные трещины, длиной 19,5 мм и 20,5 мм соответственно. При этом нижние трещины повреждений № 3 и № 4, соединяясь образуют неправильно треугольный отщеп. Тотчас спереди от дефекта повреждения № 4, на цифре 7 условного циферблата часов определяется линейный дефект, длиной 26 мм и шириной 1 мм, с ровными краями и гладкими, отвесными стенками, передний конец которого несколько остроугольной формы (надруб). Поверхность стенок надруба светло-желтого цвета.

Морфологическая картина повреждений (локализация, характер, форма, размеры, наличие и локализация трещин, строение краев, стенок) свидетельствуют о том, что они могли образоваться в результате не менее 3-кратного воздействия колющими предметами с веретенообразной формой в поперечном сечении (учитывая форму повреждений № 2 и № 3), при этом локализация и морфология повреждений № 3 и № 4 указывают на то, что они образовались в результате одного травмирующего воздействия. Данные повреждения без признаков консолидации (заживления). В области повреждения № 4 имеется надруб, причиненный посмертно, в результате воздействия предмета с рубящими свойствами, что подтверждается его формой, размерами, строением краев и цветом стенок.

Направление травмирующего воздействия в области повреждения № 1 на левой лопатке было



Рис. 7. Останки из захоронения Улахан Арыы: 1 – фрагмент правой плечевой кости: а – передняя поверхность, б – задняя поверхность; 2 – повреждение № 2 на фрагменте правой плечевой кости; 3 – повреждение № 2 (микрофотография); 4 – левая плечевая кость: а – передняя поверхность, б – задняя поверхность, с – латеральная поверхность; 5 – повреждение № 3 на задней поверхности левой плечевой кости; 6 – повреждение № 4 на латеральной поверхности левой плечевой кости; 7 – повреждение № 3 (микрофотография); 8 – верхняя половина повреждения № 4 (микрофотография); 9 – нижняя половина повреждения № 4 (микрофотография)

Fig. 7. Remains from the Ulakhan Aryy grave: 1 – fragment of the right humerus: а – anterior surface, б – posterior surface; 2 – damage No. 2 on a fragment of the right humerus; 3 – damage No. 2 (micrograph); 4 – left humerus: а – anterior surface, б – posterior surface, с – lateral surface; 5 – damage No. 3 on the posterior surface of the left humerus; 6 – damage No. 4 on the lateral surface of the left humerus; 7 – damage No. 3 (micrograph); 8 – upper half of damage No. 4 (micrograph); 9 – lower half of damage No. 4 (micrograph)

сзади наперед и справа налево, в области повреждения № 2 на правой плечевой кости – сзади наперед и несколько слева направо, в области повреждений № 3 и № 4 на левой плечевой кости – сзади наперед, справа налево и сверху вниз.

Обсуждение. Захоронение Улахан Арыы датировано по кости человека в лаборатории Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН. Радиоуглеродный возраст составил 403 ± 27 лет назад (NSKA-03467). Калибрование с точностью 95,4 % показало два допустимых интервала – 1438–1519 гг. (вероятность 79,7 %) и 1587–1622 гг. (вероятность 15,8 %).

Отсутствие предметного инвентаря и специфичность обряда погребения затрудняют определение культурной принадлежности Улахан Арыы, тем более что средневековое население Якутии отличалось этнокультурным разнообразием. Потомки степных кочевников сосуществовали на одной территории с таежными племенами, что постепенно приводило к межкультурному синтезу и смешиванию населения. Есть разные мнения насчет времени проникновения скотоводов в бассейн Вилюя (Николаев, 1957; Парникова, 1971; Алексеев, 2007; Гоголев, 2008). По нашим данным, наличие скотоводческого населения в районе озера Кюкей прослеживается с XIV–XV вв. В 2018 г. недалеко от Улахан Арыы нами было исследовано два мужских грунтовых погребения (Петров, 2019). По совокупности отличительных признаков (Бравина, Дьяконов, 2015) эти памятники можно охарактеризовать как классические раннеякутские захоронения. Кюкей также входил в ареал кочевков тунгусских родов.

Памятник Улахан Арыы сильно отличается от раннеякутских погребений по обряду ингумации, а тунгусы в этнографическое время в качестве основного практиковали воздушный метод захоронения. Но традиционная культура, как правило, чрезвычайно вариативна и богата на исключения. Как в якутской, так и в тунгусской погребальной обрядности допустимы самые различные нестандартные способы обращения с телом.

На ключице погребенного из Улахан Арыы имеется выраженное вдавление в месте прикрепления реберно-ключичной связки, что может указывать на постоянное перенапряжение соединительной ткани в этом отделе. Реберно-ключичная связка ограничивает подъем пояса верхних конеч-

ностей, действует как точка опоры для поднимания-опускания и протракции-ретракции, контролирует поднятие ключицы и ее верхнее скольжение. При протракции выполняется направленное вперед движение плеча, лопатки и ключицы, такое движение наблюдается во время выполнения фазы подъема при отжимании в упоре. Ретракция представляет собой направленное назад движение плеча, лопатки и ключицы, например, при гребле и стрельбе из лука (оттягивание тетивы).

Стрельба из лука у народов Сибири до XIX в. была одним из главных умений мужчины – в связи с охотничьей деятельностью. В эпоху средневековья лучная стрельба была неотъемлемой частью и военной сферы жизни. Тексты исторических преданий и казачьи документы XVII в. говорят в пользу того, что дистанционный бой у сибирских обществ являлся ведущим методом ведения боевых действий. В легендах часто именно лучники первыми вступают в бой и от их меткости во многом зависел исход сражения (Васильев, 1995. С. 146). Гребля в свою очередь была связана с рыболовством – одной из главных отраслей хозяйства населения Якутии как в древности, так и в этнографическое время, особенно в Вилюйском регионе, характеризующимся наличием значительного количества больших и малых озер. Озерным рыболовством занимались преимущественно якуты. На воду выходили в лодках-берестянках, ловля производилась сетями и мордами. Главными объектами ловли являлись карась и голец, на долю которых приходилось до 70 % всего улова (Саввин, 2005. С. 116).

Характер, форма и размеры повреждений № 1, № 2, № 3, № 4 не исключают возможность их причинения наконечниками стрел. По всей видимости, мужчина был расстрелян из лука со спины. Трудно сказать, была ли это смерть в бою, казнь или жертвоприношение. Первый вариант менее вероятен: исходя из направления травмирующих воздействий, создается впечатление, что стрельба производилась по обездвиженной цели.

Заметна некоторая пренебрежительность по отношению к усопшему. Могильная яма отличается небольшими размерами, внутримогильная конструкция выполнена в виде примитивного настила из плохо обработанных жердин, полностью отсутствуют вещи. Все это говорит о низком статусе по-

гребенного, по крайней мере, в глазах тех, кто совершал погребение. После убийства тело некоторое время могло пролежать на открытом воздухе. Останки, по всей видимости, были помещены в яму как попало уже после частичного разложения мягких тканей.

В якутских преданиях имеются сведения об обрядах с человеческими жертвоприношениями. В одном из них говорится о поклонении предками вилюйских якутов божеству Алла Тангара, под вытесанное из дерева изображение которого приводили стариков и расстреливали из луков (Попов, 1949. С. 280). Упоминается в легендах и обряд *илбис тусэрии* для вселения духа кровопролития, заключающийся в том, что воины расстреливали или закалывали перед выступлением в боевой поход мальчика или старика (Васильев, 1995. С. 166–167). Такие же действия совершались в обряде посвящения в воины у тунгусов (Гвоздев, 2011. С. 140).

Надо полагать, что и убийство в качестве наказания совершалось посредством расстрела из лука. Примечательно, что в случае с Улахан Арыы у погребенного прострелены обе руки в плечевом отделе. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу версии об экзекуции, умышленном причинении боли. Истязания пленника перед казнью могли быть частью ритуальных практик, вероятно, бытовавших у народов Сибири (Петров, 2022. С. 119–120) и отмеченных у коренного населения Северной Америки (Табарев, 2003). Нанесенный посмертно надруб в районе повреждения № 4 может говорить о причинении увечий труп. Подобные действия, также обусловленные мифоритуальным мышлением средневекового человека, упоминаются в исторических преданиях и документальных источниках XVII в.

Другой случай убийства путем расстрела из лука был отмечен в атипичном захоронении Тымпы XVII в., исследованном в Кангаласском наслеге Нюрбинского района. Останки принадлежали пожилому мужчине. Стрельба велась по корпусу, два попадания зафиксированы сзади на лопатках, одно – спереди на втором правом ребре. Кроме этого, на костях человека из Тымпы было выявлено множество порезов, свидетельствующих о расчленении и изъятии внутренних органов, в том числе головного и спинного мозга (Мир древних якутов, 2012. С. 182–183).

В скелете погребенного из Улахан Арыы отсутствуют нижние конечности и многие кости рук. Неизвестно были ли ноги отчленены или утрачены уже после распада анатомической целостности ввиду разложения. Тем не менее отсутствие костей нижних конечностей может быть неслучайным. В якутском фольклоре есть сюжеты, в которых у убитых отсекают ноги, вероятно для того, чтобы «обездвижить» потенциального «опасного» мертвеца, способного вернуться в обличье мстительного зловредного духа *юёр*. Отсечение ног также могло быть обусловлено стремлением помешать душе убитого достичь загробного мира (Бравина, Дьяконов, Колбина, Петров, 2016. С. 92). Подобные представления характерны для широкого круга традиционных культур. По воззрениям шаманистов, отсутствие даже одной кости способствовало тому, что покойник оказывался в стадии незавершенного обряда и не мог возродиться в мире мертвых или воскреснуть в мире живых (Дмитриев, 2001). Поэтому расчленение, сожжение или нарушение анатомической целостности костяка могли являться частью самого сурового наказания.

Нарушение анатомического порядка в якутских грунтовых захоронениях XVII–XVIII вв. часто связано со вторичным погребением. После обрушения воздушного захоронения (як. *арангас*) костяк погребали в землю. По сведениям Н. Геккера, вторичное погребение производилось в тех же могильных конструкциях, что использовались для воздушного захоронения (Геккер, 1896. С. 193). Обряд перезахоронения отмечается, к примеру, в памятниках Тандинское I в Усть-Алданском районе и Сытыган Сисэ II в Хангаласском районе (Бравина, Дьяконов, Колбина, Петров, 2016. С. 87). В Сытыган Сисэ II частично сохранивший анатомическую целостность в верхней части костяк был сложен у западной стенки гроба, при этом кости ног располагались в районе туловища, вследствие чего значительная часть пространства гроба была пустой (Мир древних якутов, 2012. С. 76). Улахан Арыы отличается от данных памятников отсутствием полноценных внутримогильных конструкций.

Вполне допустимо, что захоронение Улахан Арыы связано с иными, нежели якуты или тунгусы, этническими группами, погребальный обряд которых нам неизвестен. Коренными обитателями озера Кюкей в исторических преданиях представляют

ся *туматы*. Племя тумат/туман занимает особое место в этногенеалогии вилуйских якутов (Бравина, Петров, 2018). «Сначала вся вилуйская страна принадлежала народу, известному под именем «туман» – рассказывается в легендах (Эллэйада, 1977. С. 198).

Чаще всего люди этого племени описываются как охотники и рыболовы, живущие в землянках на берегах озер и рек, имеющие жестокий нрав и практикующие антропофагию. Из-за традиции табуирования лиц их еще называли *тигиилээх сир-эйдэр*, т. е. «шитые лица». Образ легендарных туматов во многом совпадает с *чангитами* из тунгусского фольклора. По другим преданиям, по внешнему виду «...они не отличались от якутов и говорили они по-якутски» и что их «...впоследствии истребили тунгусы» (Бравина, 2017. С. 100).

Следы от их землянок, по рассказам местных жителей, еще виднелись до недавнего времени на Улахан Арыы. На полуострове действительно имеются большие впадины, напоминающие обрушившиеся землянки. Память о племени тумат сохранилась и в виде микропонима Тумат Етеге («жилище (пепелище) туматов»), относящегося к урочищу, расположенному в местности Очокуун Тумула (Федоров, Егоров, 1991. С. 16).

Согласно одной из легенд, однажды из тундры на Кюкей, следуя миграциям диких оленей, прикочевали тунгусы. Между ними и местными туматами возникла вражда из-за угодий и промысловой дичи, приведшая к войне. В ходе кровавой битвы тунгусам удалось окружить туматов и поджечь вокруг них сухостой. Большинство туматов погибло, лишь несколькими крепкими парням удалось бежать, прорвавшись сквозь огонь. Туматские девушки попали в плен к тунгусам. Но победителям и самим пришлось позже откочевать из-за того, что огонь спалил весь олений корм. Только один из них, по имени Кюкей, решил остаться (Степанов, 1991. С. 95).

Список источников

Алексеев А.Н. О времени заселения якутами бассейна Среднего Вилуя // Тюркский мир: Монголия и Якутия (сборник). Улан-Батор, 2007. С. 197–201.

Бравина Р.И. Новая старая гипотеза о происхождении якутов (к 100-летию этнографа, фольклориста и краеведа А.А. Саввина) // Вестник археологии, антропологии и

Туматы упоминаются не только в легендах, но и в документальных источниках. В XVII в. они числились в составе якутских волостей и уже не образовывали отдельного племени, но память об их ином происхождении сохранялась у якутов. Так, в ясажном списке подгородней Малягарской (Мальжегарской) волости значатся Тумат Гадюкоев, Тогурай Туматов, Даган Тумадин, Омук (як. «иноплеменник») Тумадин, Камыкай Туматов, Тыкан Туматов, Боя Камыкаев, Делекей Барканов (Материалы..., 1970. С. 638, 654, 655, 657)¹.

Заключение. Захоронение Улахан Арыы XV–XVII вв. пополняет скромный список археологических памятников эпохи средневековья, обнаруженных в Западной Якутии.

Медико-криминалистическое обследование костных останков позволило восстановить некоторые детали из жизни погребенного мужчины. По всей видимости, он занимался характерным для таежных обществ охотничье-рыболовческим хозяйством. Предполагается, что мужчина стал жертвой смертной казни или ритуального убийства. Распространенность на костях из средневековых захоронений умышленных травм, нанесенных в бою или по ритуальным соображениям, является красноречивым отражением исторических реалий той эпохи.

Отсутствие сопроводительного инвентаря и специфичность обряда погребения затрудняют культурную привязку памятника Улахан Арыы. Дальнейшее изучение останков с привлечением генетики и физической антропологии позволит расширить комплекс знаний о средневековом населении Вилуйского региона.

¹ Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясажного сбора). В 3 т. / ред. Т.М. Швецова. М. : Наука, 1970. 1269 с.

References

Alekseev A.N. (2007) About the period of settlement of the Yakuts in the basin of the middle Vilyuy. *Tyurkskii mir: Mongoliya i Yakutiya = Turkic World: Yakutia and Mongolia*. Ulan-Bator. P. 197-201. (In Russ.).

Bravina R.I. (2017) A new old hypothesis of the origin of the Yakuts (on the occasion of the 100th anniversary of A.A. Savvin, a specialist in folklore, ethnographer, and local

этнографии. 2017. № 2 (37). С. 94–105. DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-094-105.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 86–96. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-086-096.

Бравина Р.И., Петров Д.М. «Оленекская хосунная эпопея» и легенды о туматах: этногенеалогия северных и вилуйских якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 1 (22). С. 26–35. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.003.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск : Бичик, 1995. 224 с.

Гвоздев Р.В. Развитие военной организации тунгусо-маньчжуров (по материалам середины XIX–XX в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 138–143.

Геккер Н. Три якутские могилы // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1896. Т. 26. № 4–5. С. 183–196.

Гоголев А.И. Обзор этнической истории Западной Якутии (до начала XX в.) // Наука и образование. 2008. № 3. С. 66–72.

Дмитриев С.В. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Антропология насилия. СПб. : Наука, 2001. С. 178–190.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под редакцией Э. Крюбези и А.Н. Алексеева. Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. 226 с.

Николаев С.И. Основные этапы этнической истории вилуйских якутов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1957. Вып. 27. С. 90–98.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1971. 152 с.

Петров Д.М. Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилуйских якутов (XIV–XV вв.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 67–80. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80.

historian). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 2 (37). P. 94-105. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-094-105.

Bravina R.I., D'yakonov V.M. (2015) The Early Yakut medieval burials of the 14-17th centuries: a collection of distinguishing features. *Severo-Vostochnyi humanitarnyi vestnik = Northeast Humanitarian Bulletin*. No. 3 (12). P. 27-32. (In Russ.).

Bravina R.I., D'yakonov V.M., Kolbina E. Yu., Petrov D.M. (2016) The ritually disturbed burials of Yakuts (XVII-XVIII centuries). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 2 (33). P. 86-96. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-086-096.

Bravina R.I., Petrov D.M. (2018) "Khosun epic of Olenyok" and legends about the Tumats: ethnogenealogy of the Northern and Vilyuy Yakuts. *Severo-Vostochnyi humanitarnyi vestnik = Northeast Humanitarian Bulletin*. No. 1 (22). P. 26-35. (In Russ.). DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.003.

Vasil'ev F.F. (1995) Art of war of the Yakuts. Yakutsk: Bichik. 224 p. (In Russ.).

Gvozdev R.V. (2011) The development of the military organization of the Tungus-Manchurs (based on materials of the mid-19th - 20th century). *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. P. 138-143. (In Russ.).

Gekker N. (1896). Three Yakut graves. *Izvestiia VSOIRGO = Reports of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. 26. No. 4-5. P. 183-196. (In Russ.).

Gogolev A.I. (2008) Review of the ethnic history of Western Yakutia (till the beginning of the 20th century). *Nauka i obrazovanie = Science and Education*. Yakutsk. No. 3. P. 66-72. (In Russ.).

Dmitriev S.V. (2001) The practice of ruining graves in the political culture of the Turkic-Mongolian nomads. *Antropologiya nasiliya = Anthropology of Violence*. St. Petersburg: Nauka. P. 178-190. (In Russ.).

Alekseev A.N., Kryubézi E. (2012) The world of the ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French Archaeological Expedition). Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU. 226 p. (In Russ.).

Nikolaev S.I. (1957) The main stages of ethnic history of Vilyuy Yakuts. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR = Brief Reports of the Institute of Ethnography of AS USSR*. Iss. 27. P. 90-98. (In Russ.).

Parnikova A.S. (1971) Settling of the Yakuts in the 17th - early 20th century. Yakutsk: Yakutian Publishing House. 152 p. (In Russ.).

Petrov D.M. (2019) Burial site of warriors on Lake Kyukyai in West Yakutia: new data of the former ethnic history of the Vilyuy Yakuts (XIV-XV centuries). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 2. P. 67-80. (In Russ.). DOI:

Петров Д.М. Вооруженные конфликты и культура войны у якутов в позднем средневековье // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 116–127. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-116-127.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилуйского округа // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. XI. С. 255–323.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии) / отв. ред. Е.Н. Романова. Якутск : Сахаполиграфиздат, 2005. 274 с.

Степанов Н.Т. Ньирбакаан удьурдара (былыргы сэхэннэр уонна кэпсээннэр). Якутск : Полиграфист ЯНЦ СО РАН СССР, 1991. 182 с.

Табарев А.В. Пленники и смерть (обращение с пленниками в рамках комплекса боевых традиций североамериканских индейцев) // VICTORIA. GLORIA. FAMA : материалы Межд. конф. СПб. : Изд. Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2003. Ч. 3. С. 117–120.

Федоров Г.Е., Егоров Н.Ф. Сказы у коновязи: предания (на якут. яз.). Якутск : Книжное издательство, 1991. 160 с.

Элэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г.В. Ксенофонов (отв. ред. А.П. Окладников). М. : Наука, 1977. 247 с.

Информация об авторе

Петров Денис Михайлович,
младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, Россия,
e-mail: dbyrkyngaev@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>

Вклад автора

Петров Д.М. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 апреля 2023 г.; одобрена после рецензирования 11 мая 2023 г.; принята к публикации 29 мая 2023 г.

10.21285/2415-8739-2019-2-67-80.

Petrov D.M. (2022) Armed conflicts and the culture of war of the Yakuts in the Late Middle Ages. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 116-127. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-116-127>.

Popov A.A. (1949) Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii = Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. 11. P. 255-323 (In Russ.).

Savvin A.A. (2005) Yakuts' food before agricultural development (the experience of a historical and ethnographic monograph). Yakutsk: Sakhapoligraphizdat. 274 p. (In Russ.).

Stepanov N.T. (1991) Descendants of Nyirbakaan (ancient legends and stories). Yakutsk: Polygraphist Yakut Scientific Centre SB RAS USSR. 182 p. (In Yakut).

Tabarev A.V. (2003) Captives and death (treatment of captives within the assemblage of martial traditions of North American Indians). *VICTORIA. GLORIA. FAMA. Materialy Mezhd. konf. = VICTORIA. GLORIA. FAMA. Proceedings of the International Conference*. St. Petersburg: Voenno-istoricheskii muzei artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi. Pt. 3. P. 117-120. (In Russ.).

Fedorov G.E., Egorov N.F. (1991) Narrations about hitching post: legends. Yakutsk: National Publishing House. 160 p. (In Yakut).

Ksenofontov G.V. (1977) Elleyada. Materials on mythology and the legendary history of the Yakuts. Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Information about the author

Denis M. Petrov,
Junior Researcher of the Department of Archaeology and Ethnography,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS,
1, Petrovskogo St., Yakutsk 677027, Russia,
e-mail: dbyrkyngaev@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>

Contribution of the author

Petrov D.M. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted April 6, 2023; approved after reviewing May 11, 2023; accepted for publication May 29, 2023.